

К № 1460327

СТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ФИННОВ

К а л е й д о с к о п б и о г р а ф и й
Финское литературное общество

SKS

Под редакцией Тимо Вихавайнена

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ТИМО ВИХАВАЙНЕНА

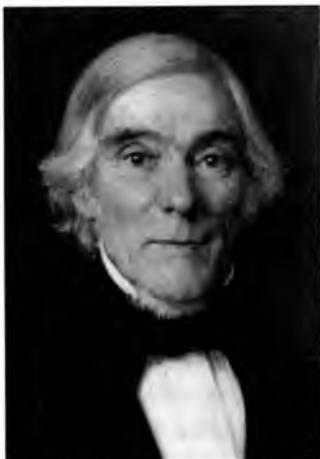

СТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ФИННОВ

КАЛЕЙДОСКОП БИОГРАФИЙ

Перевод Илья Соломещ

Общество Финской Литературы • Хельсинки 2004

Элиас Лённрот
(1802–1884)
создатель «Калевалы»,
профессор финского языка,
врач

Элиас Лённрот стал вторым отцом финского языка после Микаэля Агриколы, создателем национального эпоса «Калевала» и сборника «Кантелеетар», реформатором языка и составителем словарей. Лённрот был также врачом, из-под пера которого вышел целый ряд просветительских изданий медицинского и научного характера. Он также обновил церковный песенник. Заслуга Элиаса Лённрота заключается в том, что он укрепил национальное самосознание и национальную культуру, его авторитет был выше языковых и партийных распрай.

Элиас Лённрот родился в Сяммatti в 1802 г. в семье портного. У Фредрика Юхана Лённрота и его жены Ульрики он был четвертым ребенком, остальные были девочками. В 19 в. получить образование было непросто, но Лённроту это удалось благодаря его исключительно сильной увлеченности и благоволению покровителей. При поддержке старшего брата Хенрика Юхана он учился в 1815–1816 гг. в школе в Таммисаари, а в 1816–1818 гг. в Туркской кафедральной школе. Учебу пришлось прервать из-за отсутствия средств. Чтобы оплатить учебу, дети ходили побираться и зарабатывали еду, зерно и деньги, выступая с песнями. Лённрот портняжил по деревням, благодаря чему 20 марта 1820 г. поступил в лицей Порвоо, но уже в начале апреля он ушел из школы и отправился в Хямеенлинну, где его ожидало место ученика аптекаря.

Наставляемый частными лицами, Лённрот все же сдал экзамен на аттестат зрелости, позволявший поступить в университет. 11 октября 1822 г. он был зачислен в Туркскую Академию (Або Академия). Его однокашниками были Й.Л. Рунеберг и Й.В. Снельман. После пятилетнего обучения в июне 1827 г. Лённрот сдал экзамен на кандидата философии. Темой его магистерской работы стал Вяйнямёйнен, почитавшийся древними финнами как божество.

Тему ему предложил Рейнхольд фон Беккер, который приходился родственником профессору хирургии и родовспоможения Й.А. Тёрнгрену. С 1824 г. в летнее время Лённрот работал домашним учителем в принадлежащей Тёрнгрену усадьбе Лаукко в Весилахти. После пожара в Турку он провел в усадьбе зиму 1828 г., готовясь к своей первой экспедиции. Там же Лённрот завершал работу над рукописью второго издания «Калевала», вышедшего в 1849 г.

В доме Тёрнгрена собиралась элита научного сообщества того времени. Именно эти люди проявили дальновидность, избрав из числа студентов академии именно Лённрота с тем, чтобы он воплотил в жизнь идеи национального пробуждения, освободил бы Финляндию от многовековой духовной зависимости от шведской метрополии и нашел бы в древней поэзии финского народа его историю. Тогда была заложена основа для будущих изданий в области фольклора. Так знать Лаукко и, в особенности, его хозяйка Эва Агата Тёрнгрен стали для Лённрота научной и финансовой опорой.

Путешественник-собиратель

Публикации древних финских рун, осуществленные Ц. Топелиусом Старшим, товарищем по учебе Тёрнгрена, указали Элиасу Лённроту направление его экспедиций – в Беломорскую Карелию. В апреле 1828 г., ожидая возможности продолжения учебы после случившегося в Турку пожара, он отправляется в свою первую экспедицию в провинции Хяме и Саво. В тот раз Лённрот продвинулсь до Северной Карелии и Валаама. Результатом стал путевой дневник «Странник», в котором автор подробно описывает обычай финнов, свадебные обряды, а также runopевца Юхана Кайнулайнена. По возвращении в конце сентября в Хельсинки, Лённрот обработал собранный материал. В период с 1829 по 1831 гг. вышло четыре тетради под названием «Кантеле», изданные им за свой счет. Пятая тетрадь осталась неизданной. Причиной стало появление мысли о создании целостного эпоса.

Основанное в феврали 1831 г. Общество Финской Литературы начало активно поддерживать Лённрота в его собирательской и издательской деятельности. Начавшаяся в мае 1831 г. вторая экспедиция была приостановлена в августе из-за разразившейся холеры: чиновники вызвали Лённрота, изучавшего медицину, в Хельсинки для борьбы с пришедшей из Азии эпидемии. Окончив курс медицины, Лённрот отправляется в третью экспедицию, продлившуюся с 13 июля по 17 сентября 1832 г. Он посетил деревню Аконлакша в Беломорской Карелии, где сделал записи от runopевца С. Трохкимайни.

Будучи окружным врачом Каяни, Лённроту приходилось много ездить для проверки прививок. Записи, которые он собрал осенью 1833 г. во время служебной поездке, имели огромное значение для рождения «Калевала». В деревне Войница он записывал Онтрея Малинена, а также встретился с Ваассилой Киелевяйненом. На основании

полученных от последнего сведений Лённрот начал объединять руны в циклы.

Во время пятой экспедиции (13–30 апреля 1834 г.) в деревне Ладвозеро Лённрот записывает руны от Архиппы Перттунена, и это стало пиком его собирательской деятельности. Кроме него, Леннрот записал ценные сведения от Мартиски Карьялайнена из деревни Лонкка, Юрки Кеттунена из деревни Чена и Лари Богданова из Ухты. Осенью 1834 г. во время вакцинационной поездки в направлении Ребол Лённрот закончил рукопись «*Калевала*». В шестую экспедицию он отправился в апреле–мае 1835 г., вскоре после того, как отдал рукопись в набор. За пять недель он преодолел 800 километров. Финский национальный эпос «*Калевала, или старые руны Карелии о древних временах финского народа*» вышел в двух томах в 1835–1836 гг. Дата, поставленная под предисловием, 28 февраля, позднее стала Днем «*Калевала*» или Днем финской культуры.

Седьмая поездка, ставшая первой крупномасштабной экспедицией, проходила в два этапа с сентября 1836 по ноябрь 1837 гг. Она была полна трудностей и опасностей. Одиночество, мрачные мысли и малые доходы привели к духовному кризису: если ранее мировоззрение Лённрота был естественнонаучным, то теперь в нем начинают преобладать религиозные настроения. В результате Лённрот стал известным автором псалмов. Осенняя экспедиция 1838 г. заложила основу сборника «*Кантелетар*», ведь именно тогда Лённрот в течение двух дней записывал песни от Матели Куйвалатар на берегу озера Койтере. «*Кантелетар, или Древние песни финского народа*» вышла в трех книгах в 1840 г. Девятая поездка была связана со служебными обязанностями.

Экспедиции Лённрота можно разделить на две части. Вначале его целью было по возможности точно записать древние руны в качестве исторического источника. Когда записывать руны было не у кого, Лённрот интересовался необычными словами, названиями растений, поговорками и загадками, имея в виду развивающийся финский язык. Его последние экспедиции носили в большей степени лингвистический характер. Для сбора рун и составления словаря Лённрот в течение нескольких лет получал освобождение от своих основных обязанностей врача.

Десятая поездка, или вторая крупномасштабная экспедиция, началась в январе 1841 г., но была прервана в марте из-за паспортных формальностей. Экспедиция возобновилась 31 октября. Эта поездка стала значительно более протяженной: Лённрот направился из Кеми в Инари, Руйя, на Кольский полуостров и в Архангельск. В дороге его поначалу сопровождали норвежский лингвист Нильс Стокфлет и «первооткрыватель финского племени» Маттиас Александр Кастрен, направившийся в июле 1842 г. к местам проживания самоедов. Лённрот направился водным путем к истокам реки Оять, чтобы изучить

проживавший там народ, говоривший на вепсском языке, родственном финскому. Собранные у северных вепсов сведения о языке и народной поэзии позже легли в основу диссертации, написанной для получения профессуры. Лённрот закончил свое участие в этой экспедиции в октябре 1842 г.

Последней экспедицией стала поездка в Эстонию, продлившаяся с июня 1844 по январь 1845 гг. За это время Лённрот исследовал в Тарту словарные коллекции Общества эстонских ученых, а также в течение семи недель ездил по деревням, записывая эстонские пословицы, загадки и былички.

За пятнадцать лет своих экспедиций Лённрот прошел пешком и на лыжах, либо проплыл на гребной лодке путь, соответствующий расстоянию от Хельсинки до Южного полюса. При этом он лишь изредка пользовался другими средствами передвижения. Крайними точками были Петсамо (Печенга), Архангельск, Беломорье, Эстония и Ингрия. Несмотря на то, что эпос «Калевала» получил европейскую известность, Лённрот в 1847 г. не принял приглашения поехать преподавать в Германию, хотя знал немецкий и не был обременен семьей. В экспедициях его подстерегали всевозможные лишения, голод, бессонные ночи, паразиты, а также прямое насилие. В своих письмах и дневниковых заметках Лённрот так объясняет свою тягу к экспедициям: с одной стороны, чувство долга велело ему оправдать связываемые с ним ожидания нации, с другой стороны – стремление к знаниям заставляло его идти и искать то, что могло бы помочь развитию истории, лингвистики и фольклористики. Практицизм, отличное чувство юмора и способность приспособливаться помогли ему преодолеть все сложности экспедиционных будней. Дисциплинированность и четкий ритм работы позволили воплотить мечты в реальность. Финский народ получил свой национальный эпос «Калевалу», а также «Финско-шведский словарь», по-прежнему остающийся уникальным источником для исследований.

Одним из результатов экспедиций стали 65 тысяч записанных строк народной поэзии. Второе издание «Калевалы», дополненное материалами других собирателей, вышло под редакцией Лённрота в 1849 г. Это издание стало своего рода канонической версией эпоса, использующейся в школьном обучении, а также как основа для переводов на иностранные языки. По-прежнему интерес представляют заметки, содержащиеся в письмах и дневниках Лённрота и повествующие о народных обычаях, взаимовлиянии человека и окружающей среды, многообразии природы. Описания местности также имеют художественную ценность. Лённрот издал несколько статей по фольклористике, в том числе о празднике Троицы в Ритвала, песне об убийстве епископа Хенрика, о Сампо. Он издал «Пословицы финского народа» (1842), «Загадки финского народа» (1844) и, наконец, «Заговоры финского народа» (1880).

Врач

После перевода университета из Турку в Хельсинки Элиас Лённрот продолжил изучение медицины. Он стал лицензиатом медицины в 1832 г., написав диссертацию о приемах лечения у финнов, основывающихся на магии. Практический опыт он уже получил во время эпидемии холеры в 1831 г., когда он находился в Хельсинки. Учебная больница при университете появилась лишь в 1832 г. Лённрот не проходил стажировки заграницей, подобно другим студентам, а отправился осенью 1832 г. в Оулу, куда был назначен помощником врача для борьбы с последствиями голода – дизентерией и тифом. В начале следующего года он стал окружным врачом в Каяни; эта должность стала постоянной в июле 1833 г. За исключением времени отпусков, он прослужил врачом в Каяни, насчитывавшим тогда около 400 жителей, вплоть до 1854 г., когда он переехал в Хельсинки и поступил в университет на должность профессора финского языка.

В служебных докладах и годовых отчетах Лённрот предлагал множество практических нововведений, в частности, он выдвинул идею организации медицинского учреждения, которое можно считать предшественником современных финских коммунальных поликлиник. На основании опыта первого года он предложил организовать в каждом приходе врачебный пункт, где, в связи с соответствующей реформой, было бы предусмотрено место для проведения прививок. Необходимых для каждого прихода акушерок можно было бы подготовить из числа женщин, приговоренных к пребыванию в исправительном доме и вставших на путь исправления; свобода стала бы для них компенсацией жалованья. Во время эпидемий в каждой области следовало также распространять информационные листовки, сделанные с учетом местных особенностей. Врач должен быть бережливым, выписывая лекарства. Лённрот описывал случай, когда в одном приходе все лекарства были смешаны в одну кучу, поскольку никто не знал о действии каждого из них в отдельности. Он также предлагал ввести должность инспектора по вопросам здоровья, своего рода «полиции здоровья», для борьбы с плохой гигиеной среди простого люда. Так, в Вокнаволоке, расположенном по восточную сторону границы и значительно более плотно заселенном, эпидемии не распространялись – там невесту уже в свадебной песне наставляли соблюдать чистоту. Для борьбы с венерическими заболеваниями Лённрот предлагал введение обязательной проверки всех путешествующих через две недели по возвращении из поездки, а коробейникам предлагал не разрешать отклоняться слишком далеко от дороги. За этими суровыми рекомендациями стояло глубокое и лишенное предрассудков знание Лённротом простого народа. Одной из его удачных идей было назначение половинной дозы лекарств детям и старикам. Он также советовал при уходе за больными во время эпидемий использовать пожилых женщин, а не

молодых, так как у последних еще не успел выработать иммунитет. Хирургические операции Лённрот считал самой ответственной частью работы доктора, профессии, в которой он не всегда чувствовал себя счастливым, чего нельзя было сказать о лингвистических исследованиях.

Лённрот стремился к просвещению простого народа. Так, он издал необычайно популярную в свое время книгу «*Домашний доктор финского крестьянина*» (1839). По просьбе медицинских чиновников он составил пособие по воспитанию и кормлению маленьких детей, а также пособие по использованию в пищу ягеля в голодные годы. Свои врачебные познания Лённрот использовал и при составлении «*Калевала*». Например, мать Лемминкайнена действует в абсолютно правильной последовательности, соединяя части тела своего рассеченного на куски сына. При составлении первого ботанического справочника Финляндии «*Флора Фенника*» (1860), после каждого ботанического описания Лённрот привел подробную инструкцию о пользе данного растения и о возможности его использования в самолечении. Эти наставления основывались как на его фармацевтическом опыте, так и на сведениях народной медицины. Лённрот занимался пропагандой трезвости, основав в Каяни соответствующее общество. Правда, устав общества был не слишком жестким, да и само оно распалось из-за малого количества членов. Уже в Хельсинки Лённрот продолжил эту деятельность, написав серию статей для издания «*Друзья трезвости*».

Ученый-лингвист

В начале периода автономии литературный финский язык находился на той же стадии, что и при Микаэле Агриколе, и был далек от разговорных форм. Считается, что Агрикола использовал от 6 до 8 тысяч слов. Когда в 1880 г. Лённрот закончил работу над своим грандиозным трудом, «*Финско-шведским словарем*», он включал в себя более 200 тысяч слов. «*Словарь современного финского языка*», изданный в 1960-е годы, содержал 210 тысяч слов. Лённрот интересовался языковыми проблемами еще в период своего студенчества. Он считал, что язык народа является предпосылкой его культуры и условием выживания. Поэтому необходимо было сделать финский языком преподавания, ввести его в управление и ведение судопроизводства. Необходимо издавать газеты и солидную литературу.

Финский язык был для Лённрота родным. Однако школа и научная работа сделали в его семье то, чего он так опасался: финский язык стал отходить на задний план. Со своим сыном Лённрот разговаривал по-фински, при этом жена и дочери говорили с ним по-шведски. Переписку с использованием специальной терминологии и научную полемику приходилось вести на шведском или других языках. В поздний период

Лённрот изредка и с осторожностью использовал финский, указывая, что в литературном языке появились формы, которые были для его собственной языковой практики уже недосягаемы. И это говорил человек, которого называют вторым отцом финского языка. В период «борьбы диалектов», связанной с укреплением базы литературного финского языка, Лённрот, в полном соответствии с его характером, занял примирительную позицию: взяв за основу западные диалекты, он обогащал их лексикой восточных диалектов. Лённрот закрепил статус буквы «đ» в литературном языке, занимался подбором собственно финской лексики вместо заимствований, для чего обращался к пословицам, диалектным выражениями или же сам выдумывал новый вариант. След Лённрота присутствует в тысячах терминов юридической лексики, в трех четвертях ботанического лексикона, в терминологии лингвистики и математики. Лённрот ввел в финский такие слова, как национальность, литература, температура, вена, артерия, чернила, протокол, представление (моция), независимый, сухой закон, мысль, множественное и единственное число, образование, договор, республика, вариант, право голоса. Будучи человеком практическим, он организовал широкую сеть помощников из своих друзей, живших в разных частях страны и работавших врачами, пасторами и учителями. Они присыпали необычные слова, пословицы и загадки для редактируемых Лённротом изданий.

Осенью 1853 г. Элиас Лённрот был избран вторым профессором финского языка на место скончавшегося от чахотки Маттиаса Александра Кастрена. В своей актовой лекции в связи с вступлением в должность он изложил обзор взаимодействия и развития финского, эстонского и саамского языков. Лённрот пришел к заключению о роли повседневной жизни носителей языка, например, в процессе сокращения языковых элементов, определенного «изнашивания» языка. Лённрот читал лекции в университете вплоть до 1862 г. Он видел своей задачей поднять язык народа до статуса, когда он становится инструментом науки и бюрократического аппарата. Он стремился к формированию четкого и практического литературного языка и собственно финской специальной терминологии. Влияние теоретических статей Лённрота, его ориентированных на практическую жизнь переводов, тысяч неологизмов до сих пор полностью не изучено.

«Финско-шведский словарь» был оставлен как занятие на пенсии. Кроме того, он редактировал и другие словари, к примеру, разговорник для иностранных туристов с примерами общеупотребительных фраз. В 1840–1842 гг. он был одним из основателей журнала «Суоми», старейшего научного издания Финляндии, который выходит и поныне.

Журналист

Элиас Лённрот выступал на страницах периодической печати на протяжении более 60 лет. Он писал для более чем десятка газет, являлся ответственным редактором газет «Мехиляйнен», «Литтературблад», «Оулун Виикко-Саномат» и был активным журналистом в течение более чем 40 лет. Первой публикацией в периодике стал перевод на шведский одного из стихотворений Н.М. Карамзина, опубликованный в издании «Або Ундереттелсер» 14 февраля 1824 г. Он был одним из первых ученых, которые в равной степени могли использовать в устной и письменной речи как финский, так и шведский языки. Свои публикации и переводы просветительского характера Лённрот адресовал финноязычному крестьянству, а научные и полемические статьи – шведоязычной интеллигенции, для которой он также переводил образцы народной поэзии. Газета Лённрота «Мехиляйнен» (1836–1837, 1839–1840; исторические приложения) была первым финноязычным периодическим изданием и пятой газетой, выходившей на финском языке. О проблемах популярного характера он писал на страницах газеты «Оулун Виикко-Саномат» и издания «Маамиехен Юстава» («Друг крестьянина»), редактируемого Й.Л. Снельманом.

Лённрот сотрудничал с газетами «Хельсингфорс Моргонблад» и «Борго Тиднинг», редактором которых был Й.В. Рунеберг, а также с «Саймой», «Литтературблад» и «Маамиехен Юстава», издаваемых Й.В. Снельманом. Он смело выступил в защиту Снельмана, когда тот у того начались серьезные проблемы с цензурой из-за «Саймы», а в 1847–1849 гг. редактировал «Литтературблад». Несмотря на предупреждения друзей, Лённрот по-своему боролся с цензурой, публикуя материалы, предназначенные для простого народа. Популярная газета «Оулун Виикко-Саномат» в период, когда ее редактором был Лённрот (1852–1853), находилась под особо пристальным вниманием цензуры. Небольшие статьи, выходившие на ее страницах в алфавитном порядке, были прообразом энциклопедии.

Поэт

Вечной поэмой Элиаса Лённрота стала «Калевала», состоящая из 32 рун и 12.078 строк. Начиная с 1833 г. Лённрот планировал создание небольших связанных между собой эпосов о героях из рун. Но этот план претерпел изменения в связи с полученными в ходе экспедиций материалами. Стремясь выявить предполагаемый хронологический порядок рождения рун, а также для достижения композиционной логики, Лённрот следовал своему художественному вкусу, объединяя материалы, записанные от разных runopевцев и добавляя строфы собственного сочинения. Первое издание, так называемая «Старая Калевала», являлось собственно эпосом Лённрота. Оно не было собранием или антологией рун, это было сознательное поэтическое творчество, вполне сопоставимое с трудами Гомера. Фрагменты рун

он соединял при помощи стихотворений, сочиненных им с использованием различного материала, порой изменяя детали, относящиеся к персонажам и событиям. Лённрот верил в то, что события рун носили исторический характер, их содержание сохранилось с языческих времен, хотя форма изменилась. Поэтому, в полном соответствии со своими религиозными и философскими представлениями, редактор-поэт мог довершить эпос победой христианства над язычеством. Эпос строился на противопоставлении двух народов – Калевалы и Похъельы, – что создавало драматический накал и формировало этический стержень повествования. Материала хватило бы на семь различных версий, о чем свидетельствуют почти три тысячи вариантов к изданным строфам. В своем предисловии Лённрот вполне открыто говорил о своей редакторской работе. Несмотря на это, публикация вызвала необычайный общенациональный интерес и была воспринята как заново открытый древний эпос, спасенный и собранный из отдельных фрагментов.

Второе издание, так называемая *«Новая Калевала»* (1849; 22.795 строф, разбитых на 50 рун), закрепившее статус национального эпоса, также являлось созданием Лённрота. В предисловии уверенный в себе редактор провозглашает: «Наконец, поскольку никто из рунопевцев уже не может сравниться со мной по количеству собранных рун, я посчитал, что у меня есть то право, которое, по моему представлению, многие считали своим правом – право выстроить руны в наиболее удобном для их сочетания порядке. Говоря словами руны: стань и сам ты рунопевцем, песнь свою начни сначала. Иными словами, я посчитал себя рунопевцем не худшим, чем они сами себя считали».

Особенно цикл рун о Куллерво (2196 строф), сотканный из самого разнообразного фольклорного материала, должен считаться высшим художественным достижением Лённрота. Это трагическое повествование продолжает служить источником вдохновения в самых разных видах искусства.

Собственно говоря, сборник *«Кантелетар»* тоже не может считаться собранием аутентичных народных песен, потому что Лённрот объединял различные варианты песен, добавив несколько калевальских рун собственного сочинения. Предисловие к книге является одним из наиболее серьезных эстетических манифестов того времени.

Элиас Лённрот известен также как автор нескольких стихотворений (*«Песнь девы»* и др.), как переводчик и, прежде всего, как автор псалмов. Он переводил фольклор на шведский язык, а на финский – поэзию, от Гомера до Й.Л. Рунеберга. Лённрот отлично владел поэтическими размерами. Он развивал свои способности, в частности, во время пеших прогулок между службой и домом в Каяни, или же тренировал память переводами перед отходом ко сну.

Лённрот был приглашен в комитет по написанию псалмов в апреле 1863 г. Уйдя из университета, он хотел компенсировать обществу свою пенсию и принял за обновление финских церковных песнопений. Это освежало сознание, отвлекая от однообразной словарной работы. Лённрот публиковал свои опыты в этой сфере каждый год в период 1864–1880 гг. Новое издание псалтыря вышло в 1883 г. Наброски псалмов вызывали дискуссию в журнале «Тяхти», издававшемся туркским другом Лённрота Й.Ф. Гранлундом; это же произошло и с теоретическими статьями Лённрота на тему создания псалмов. В сборнике 1886 г. было 17 псалмов, написанных Лённротом, 64 перевода на финский язык; отдельные строки были добавлены им в 25 псалмов, а в случае с 206 псалмами с его именем были связаны изменения и уточнения. В сборнике 1986 г. осталось 9 оригинальных псалмов Лённрота, 41 перевод и 20 псалмов, подвергшихся его изменениям и уточнениям.

Исполняя псалмы, Лённрот любил подыгрывать себе на кантеле. Он, вопреки сложившемуся культовому стереотипу, хорошо пел и разбирался в музыке, а для экспедиций он даже разработал свою собственную упрощенную систему нотной грамоты, основанную на цифрах. Лённрот перевел на финский язык музыкальную терминологию и, как утверждает Хейкки Лайтинен, совершил настоящий переворот, изобретя хроматическое кантеле. В экспедиции он брал с собой скрипку, потому как игрой на музыкальном инструменте можно было, подобно Орфею, привлечь к себе женскую половину публики.

Отец семейства

Элиас Лённрот женился довольно поздно, 13 июля 1849 г., на 26-летней дочке мастера-красильщика из Оулу Марии Пипониус, работавшей экономкой на лесопильном заводе в Каяни. Помолвка состоялась в августе 1848 г., но ее факт скрывали от публики, которая то и дело пыталась «связать» великого человека с какой-нибудь молодой девушкой. Жених пребывал с осени 1848 по май 1849 гг. в усадьбе Лаукко, где дорабатывал второе издание «Калевалы», вышедшее в свет незадолго до нового уложения о цензуре. В Лаукко его также задержала тяжелая болезнь Эвы Агаты Тёрнгрен, приведшая к ее смерти в начале мая.

Обручальным кольцом послужило кольцо с бриллиантом, пожалованное императором за заслуги во время эпидемии холеры. Свадьба также прошла без огласки, о ней знали только ближайшие родственники невесты, что особенно задело Й.В. Снельмана: кроме всего прочего, Мария Пипониус приходилась ему кузиной. Первенец, названный Элиасом, родился в день ангела 17 апреля 1850 г., однако умер от менингита 16 сентября 1852 г. В семье родилось четыре дочери: Мария, Ида, Элина и Текла. Супруга Мария, дочери Мария и Текла умерли от туберкулеза, а Элина от дифтерии. Поначалу семья жила на лесозаводе в Каяни, пока не был построен собственный дом

(снесен в 1960-х гг. при строительстве универмага). В январе 1854 г., в связи с получением Лённротом профессуры, семья переехала в Хельсинки, а в 1862 г., после его выхода на пенсию, перебралась в Самматти, где сначала жила в доме Нику из пятнадцати комнат, а позже в 1876 г. – в доме Ламми, последнем пристанище Лённрота.

После кончины отца единственная дочь Ида, выполняя его волю, продала дом Ламми со всем движимым имуществом и уехала из Самматти. Ида после получения домашнего образования поступила в учительскую семинарию в Ювяскюля, однако, появившиеся симптомы туберкулеза прервали ее обучение. Ида писала религиозные стихи, занималась небольшими переводами, изучала языки и мечтала отправиться сестрой милосердия на русско-турецкую войну. Полученное от отца наследство позволило Иде, так и не вышедшей замуж, отправиться в 1886 г. заграницу. Через Петербург она направилась в Дрезден к Эве и Анне Ингман, которые воспитывались вместе с ней в семье Лённротов. Эва (1853–1914) и Анна (1851–1930), дочери профессора медицины Э.А. Ингмана, оставшись сиротами, с 1858 г. находились под опекой Лённрота. Эва стала художницей, Анна – учителем игры на фортепиано и музыкальным критиком. Из Дрездена Ида продолжила свое путешествие, посетив Женеву, Марсель, Дарданеллы, Неаполь, Флоренцию, Ниццу и Рим. В 1896 г. она окончательно обосновалась в Сиене. Переписка Иды свидетельствует о том, что она повсюду чувствовала себя неуютно, но за границей она могла чувствовать себя в покое от всевозможных просителей и славы отца. Ида Лённрот умерла 16 июня 1916 г., полностью ослепнув. Ее дом и могила находятся в Сиене, за ними присматривает вот уже третье поколение семьи Рикуччи.

Помимо своих собственных детей, Элиас Лённрот воспитывал оставшихся сиротами детей из семей родственников и друзей. Он брал на себя расходы на жилье и обучение детей из необеспеченных семей, а в Хельсинки содержал приют для учащихся из Каяни. В своем завещании он выделил деньги на открытие в Самматти школы домоводства, которая, позднее расширившись, действует до сих пор.

Слава

Элиас Лённрот получил признание научных кругов, прессы и Общества финской литературы еще в период сабирания «Калевалы». Копенгагенское Королевское общество древних рукописей сделало его своим членом в августе 1833 г. Появление «Калевалы» и «Кантелетар» лишь упрочило складывавшийся вокруг него культ. Вполне целенаправленно формировался образ скромного и упорного труженика, в результате чего современники при жизни избегали комментировать и критиковать его деятельность как издателя «Калевалы» или профессора финского языка. На портретах того времени ретушировалась бородавка, а дочери стеснялись своего отца, который

разгуливал по Самматти, одетый совершенно не соответствующе его статусу.

Однако далеко не все относились к нему некритически. Так, в 1846 г. его оппонент К.А. Готтлунд в своем журнале «Суомалайнен» писал: «Еще ни один финн при жизни своей не заслужил такой всесторонней благодарности, хвалы и уважения, как этот Лённрот. Легко тому плыть, кого за голову держат». Готтлунд признавал, что Лённрот совершенно не возгордился от своей славы, но отказывался поклоняться ему как «владыке рун», кланяться до земли, как королю. Август Алквист, занявший пост профессора финского языка, писал в биографии, изданной после смерти Лённрота: «Жизнь Лённрота была внешне весьма простой и непрятательной: родился в бедной семье, отправили учиться, страдает от всяческих лишений, но делает успехи в учебе, поступает в университет, кормит себя домашними уроками, сдает экзамены, хоть и не блестяще, получает должность и безупречно на ней служит. Вот и все, пожалуй. Бедная событиями жизнь Лённрота была лишена потрясений, риска, душевных борений». Аарне Анттила, автор не менее компетентной биографии Лённрота (1931) писал, что спокойствие и возвышенность души Лённрота, его *просветленность*, напоминали безоблачный день начала лета, когда происходит возвращение чуда сотворения мира. Вильо Таркайнен в 1933 г. писал, что Лённрот был лишен способности понимать сложные явления – театр, высокую поэзию, философию. Он был прост и естественен, не обладал особым полетом фантазии, ему был чужд трагизм конфликта. Лённрот был счастлив в своей ограниченности. Мартти Хаавио сравнил Лённрота с отдыхающим на солнце львом.

Однако из переписки Лённрота можно заключить, что он был уверененным в себе целеустремленным ученым, обладающим чувством юмора и знаяшим себе цену. Вряд ли он делал шаг, не будучи уверенным в его необходимости. Сохранилась его переписка с эстонскими, венгерскими, русскими, шведскими, норвежскими, немецкими и французскими учеными. Он был членом многих зарубежных научных обществ. Он завещал все свои материалы последующим поколениям, но стремился избегать формальных почестей. Тем не менее, он получал награды, как от императора, так и от иностранных государств.

Элиас Лённрот был ученым-новатором, проявившим себя во многих отраслях знания. Многие его догадки часто приводили к блестящим научным результатам, будучи подкрепленными современными исследовательскими методами. Он был великим человеком своей эпохи, он объединил нацию, а его авторитет простирался выше партийных и языковых барьеров. За кулисами культа Лённрота можно обнаружить новые трактовки его общественной значимости. Посредством «Калевалы» он по-прежнему продолжает укреплять чувство национального достоинства, за ним закрепилась репутация

«короля деревни», человека, способствовавшего развитию международной торговли и культурного обмена.

— Райя МАЙЯМАА

Приложение:

Элиас Лённрот, род. 9.4.1802 Самматти, умер 19.3.1884 Самматти. Родители: Фредрик Юхан Лённрот, портной, и Ульриика Вальберг. Жена: 1849–1868 Мария Пипониус, экономка, род. 1823, умерла 1868, родители жены: Элиас Пипониус, мастер-красильщик, и Анна Якобина Снельман. Дети: Элиас, род. 1850, умер 1852; Мария, род. 1852, умерла 1874; Ида, род. 1855, умерла 1915; Элина, род. 1858, умерла 1876; Текла, род. 1860, умерла 1879.